

Колдовские
ТАЎНЫ

В серии уже вышли:

ОЛЬГА КУНО
Тайна Темного Оплота

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
Плата за одиночество

НАТАЛЬЯ КОСУХИНА
Чаромир

ИРИНА ЗВОЛИНСКАЯ
Наследники погибших династий

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА
Песня Вуалей

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ, ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА
Артефактика. От теории к практике

АННА ОДУВАЛОВА
Притворюсь твоей

ЛИНА АЛФЕЕВА
Тесса Громова. Смертельный ритуал

ИРИНА ШЕВЧЕНКО
Пока ты веришь

АННА КУРТ, ВАЛЕРИЯ ОСЕННЯЯ
Книжный клуб заблудших душ

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
Плата за наивность

ПЕССА КАУРИ

СТРЕКОЗА
ДЛЯ ПОКОЙНИКА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Разработка серийного оформления *В. Акулич*

Иллюстрация *С. Дудина*

Оформление *Л. Ласица*

Каури, Лесса.
К30 Стрекоза для покойника / Лесса Каури. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-699-97902-8

Лука — обычная девушка, которая жила в обычной семье и не особенно задумывалась о будущем, до тех пор пока ни пришла пора покинуть отчий дом и отправиться на поиски самостоятельной жизни в мир, полный загадок. Стоит ли знакомиться с девушками на кладбищах, устраиваться официанткой в закрытый клуб, о котором ходят нехорошие городские легенды, слушать истории о монстрах, а главное — стоит ли познавать себя самого, Лука узнает, пройдя огонь, воду и медные трубы, подвергая опасности свои и чужие жизни, пытаясь отличить настоящую любовь от обмана и исправляя ошибки — те, которые еще можно исправить. В этом ей помогут верные друзья, неадекватные враги, кот Вольдемар, призраки и прочая нечисть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97902-8

© Каури Л., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРАВДА ДЛЯ ЛУКИ

Ну что это за имя такое – Лукерья? Это же цыпакалипсис, а не имя! Даже Василиса звучит лучше. Васька – это ассоциация с котом, причем веселая ассоциация. А Луша – с чем ассоциируется? С курицей-несушкой! Фу...

Одеяло сбилось в ногах, и Лука, сердито зашипев, сбросила его на пол. Ей всегда было жарко, когда она злилась или сильно переживала. Будто внутри кто-то разжигал костер и – добренький! – подкидывал дровишек, следя, чтобы огонь не потух.

Размышления о несчастливой природе собственного имени посещали девушку в минуты крайнего душевного раздвоя. Нынче вечером младшему брату Темке делали операцию: собирали сломанную в автокатастрофе ногу буквально по кусочкам и нанизывали их на какие-то спицы. Операция прошла успешно – измученная слезами и ожиданием мать вернулась домой, отец остался дежурить в больнице до утра. Сестра в больницу не поехала...

Мучительно сжав веки, Лука попыталась уснуть, однако от жары даже дышать было тяжело. Выругавшись, девушка вскочила, нашарила в рюкзаке, валявшемся на полу, пачку сигарет и зажигалку, а потом подошла к окну и открыла его настежь. Прохлада приятно коснулась разгоряченной кожи – Лука спала обнаженной. На горизонте собирались тучи, и огненными лисами

играли зарницы. Несмотря на октябрь, духота стояла, как перед майской грозой.

Она затянулась без особого наслаждения. Курила редко. Однажды заметила, какой релаксирующий эффект оказывает на нее обычный табак, но, поскольку терпеть не могла от чего-либо зависеть, на него не под села, пользуясь лишь в крайних случаях. Ощущение того, что сигарета зависит от нее, а не она от сигареты, казалось ей восхитительным. Так же, как и воспоминания, которые она бережно хранила в сердце. Рутинка — детский сад, школа — забывалась, а они отчего-то представлялись ей разноцветными гладкими камушками, которые так приятно было перебирать, подкидывать, катать. Да что там! Просто смотреть на них было удовольствием! Первый, нежно-голубой, гладкий и чуть вытянутый гольш — маленькая Лука, с удовольствием плещущая ладошками по воде, тревожа желтые березовые листья на поверхности, заводя волшебные водоворотики, в которых отражалось небо. «Детка, ты опять возишься в холодной воде! Простудишься! Ну что за наказание!» — это мамин голос. Мама никак не хочет понять, какой это восторг — играть с водой, ведь она вовсе не холодная, а ласковая, как мамины ладони, и живая, как соседский хомяк Фродо. И Лукерья снова и снова лезет в лужу, пока не зачерпывает в сапожок и не получает за это по попе.

Камень второй — шероховатый, коричневый, с маслянистым блеском. Луке пять. Вместе с другими ребятами на берегу канавы на даче она вычерпывает столовой ложкой глину из-под берега и пытается слепить кого-нибудь. Рядом с Валеркой Лебедевым уже лежат черепашка и заяц, а у нее ничего не получается.

— Ты головастика слепи! — снисходительно советует дружок. Ему шесть, и он ощущает себя старше и умнее. — У него только голова и хвост!

И Лука старательно лепит головастика, мнет скользкую глину, злится на хвост — получается не тонким, а с какой-то бахромой! Ей жарко, пот заливает глаза, а головастик вдруг вздрагивает в ее ладонях, оживает и прыгает в воду. Она испуганно оглядывается: не видел ли кто? Но мальчишкам уже надоело возиться в грязи, и они, отойдя на песчаный спуск, плещутся вовсю на мелководье, прогревом ласковым летним солнцем. Толстый головастик выписывает круги под поверхностью воды и покачивается, как большая подводная лодка, солидно и жизнеутверждающе! А в душе Луки растет, ширится восторг, от которого хочется кричать!

Третий камень красивый, но пугающий. Он похож на осколок янтаря, внутри которого дрожит пламя. Такие же языки огня плясали на почерневших бревнах в дачной печке, и к ним десятилетняя Лукерья протянула ладони — приятно было тепло, с которым они ластись к коже, щекоча пальцы. «Тем, это не больно! — говорит она. — Видишь? Совсем!» Пятилетний брат доверяет ей — потому протягивает руку прямо в огонь, но тут же отдергивает и заливается плачем. Его пальцы красные, кожа сморщилась...

Лука затянулась до боли в легких. Тогда она не поняла, что случилось. А вот вчера... Между сестрой, замкнувшейся в себе, и братом в «дурацком» возрасте ссоры — обычное дело. Он обозвал ее дурой, она его — имбецилом. Он ее — сукой, она его — уродцем. Он ее — ведьмой, она его... «Чтоб тебя приподняло и шлепнуло!» — прошипела она в ответ, направив на него скрюченные пальцы. Коротко стриженные ногти с черным маникюром выглядели угрожающе. «Кошка бешеная!» — констатировал брат и позорно бежал к друзьям, прихватив мотороллер.

Как произошла авария, родителям сообщили свидетели. Налетел неожиданный ураганный порыв ветра, сбивший мотороллер и буквально кинувший его вме-

сте с седоком на капот проезжающей мимо иномарки. Хорошо хоть на, а не под!

Вспомнив лицо матери, прижавшей к уху мобильник, Лука яростно смяла сигарету и выкинула в окно. Сползла под подоконник, обхватив голову руками. Гроза приближалась. Гроза, всегда доставлявшая ей удовольствие большее, чем редкий случайный секс, сейчас не дарила радость раскатами и мощью. По подоконнику застучало. Холодные капли залетали в комнату, падали на обнаженную узкую спину девушки.

В коридоре зажегся свет.

– Луша!

Она не успела нырнуть в кровать, когда открылась дверь. Так и застыла посредине комнаты – голая, в отсветах небесного пламени.

– Что-то потянуло... У тебя окно... – начала мать с порога и замолчала, увидев голую Луку с ненормально огромными зрачками.

Рванулась к дочери, схватила за руки, стала поворачивать к неверному свету.

– Мама... мама? Мам, ты чего? – заорала испуганная дочь. Лицо у матери было заплаканное и застывшее, как студень.

– Господи, за что мне еще и дочь-наркоманка? – кричала Валентина Игоревна, таща упирающуюся девушку в коридор, где горел свет. – Руки покажи, покажи руки!

– Да ты чего, мам, вообще? – рявкнула Лука, вырываясь. Прошлепала в коридор, сунула матери под нос нетронутые вены на сгибе локтя. – На, смотри! Совсем спятила!..

Удар по щеке заставил ее замолчать.

– Твой брат едва не погиб! – свистящим шепотом сказала Валентина. – Прояви хоть каплю уважения к матери!

Луку захлестнула жара. Душная, тропическая, яростная.

— А ты ко мне уважение проявила? — закричала она, с ужасом понимая, что ее несет, но остановиться она не может. — Ты бы хоть постучалась! Мало ли чем я занимаюсь в СВОЕЙ комнате!

Оглушительный удар грома будто расколол небо-свод. Испуганно охнув, мать схватилась за голову. Шум дождя придвинулся, в комнату через открытое окно уже лился целый водопад.

— Права была Лия, когда отговаривала меня брать ребенка из детдома! — неожиданно твердым голосом сказала Валентина. — Запомни, Лукерья, здесь ничего твоего нет!

Лука вдруг осознала, что стоит перед матерью голой. Свет стал слишком ярким, она враз увидела свои длинные худые ноги, и пирсинг-черепушку в пупке, и жалкие, съезжившиеся соски... Отступила в комнату, в спасительную темноту. И отступала до тех пор, пока не уперлась ягодицами в подоконник и не спросила пересохшими враз губами:

— Что?!

Силуэт матери в освещенном проеме напоминал карающего ангела, правда, без меча.

— Мы с отцом взяли тебя на воспитание... Думали, вырастет чудесная, добрая девочка. Платья, бантики... — Голос звучал устало, как заезженная пластинка. — А выросла ты... Колючая, неласковая, дерзкая! Одеваешься, как сатанистка! И брата все время подбивала на пакости всякие... Помнишь, как он из-за тебя руку обжег? Шрамы до сих пор на пальцах остались! А как ты к уличной стае собак пошла? И его с собой потащила? Они вас чуть не разорвали!

— Да они... — начала было Лука и замолчала.

Разве объяснишь, что она в собаках агрессии не чувствовала, лишь желание получить искреннюю детскую ласку и восторг в глазах! Впрочем, сейчас это было уже неважно. Важными были слова мате-

ри... Женщины, которую она всю сознательную жизнь считала матерью!

– Насчет детдома – это правда?

Силуэт исчез из дверного проема. Свет в коридоре погас. Издалека донеслись глухие рыдания и сдавленное:

– Правда. Живи как знаешь!

Лука пришла в себя только спустя несколько минут, вся мокрая как мышь от бьющего в открытое окно дождя. Гроза уходила, оставив на асфальте потоки, поломанные ветви и вымокший мусор. Она не только освежила воздух, но и вымыла все мысли из головы. Лишь одно слово билось, будто птица в клетке: «Правда! Правда! Правда!»

* * *

Она пришла в больницу к десяти.

С шести утра, когда вся пачка сигарет была скурена до боли в желудке, нужные вещи собраны в любимый рюкзак, а решимость уйти куда глаза глядят приобрела необходимую твердость, Лука шлялась по улицам, раздумывая, к кому из знакомых попроситься переночевать. Подруги потерпят пару ночей, парни... Ясно, чем это кончится. Изобразить неземную любовь, чтобы остаться подольше? А потом куда? На вокзал? На трассу? Даже если она найдет работу, снять хотя бы комнату не так просто!

– Бахилы надень! – сердито прикрикнула старушка-санитарка в приемном. – Десять рублей!

Когда деньги есть, о десяти рублях как-то не задумываешься. Но когда в кошельке лежат все сбережения, а других не предвидится...

Брат лежал в постоперационной и казался мумией, сросшейся с живым человеком, – половина тела и голова забинтованы. Отца рядом не было, наверное, спустился в кафешку рядом с больницей, выпить кофе.

– Чего смотришь, людоедка? – шепотом поинтересовался он. – Ну побился, подумаешь!

– Имбецил! – привычно, но беззлобно сказала Лука и, пройдя в палату, села на стульчик. – Очень больно?

Артем героически поморщился и ничего не ответил.

– Ты здесь надолго? Что врачи говорят? – спросила она.

– Минимум месяц! – вздохнул брат.

– А роллер?..

– Не знаю пока... Отец молчит, значит, все плохо.

– Да... Тем, я из дома ушла. Можешь мой комп себе забирать со всеми потрохами, авось пригодится, на запчасти.

Компьютерной техникой брат увлекался с детства, мог из любой кучи железа собрать рабочую машину, чем иногда подрабатывал. Поэтому компьютер Луки ему бы пригодился.

Брат вытаращился. В сочетании с бинтами выпученные голубые глаза выглядели презабавно.

– Лука, ты чего?

Она встала, выглянула в коридор, прислушалась. Наверняка вот-вот подойдут родители, а с ними встречаться не хотелось. Говорить было не о чем. Вернулась. Неожиданно склонилась над братом и поцеловала его в лоб.

– Давай потом об этом. Когда тебе лучше станет. Номер у меня тот же, звони, пиши, как сможешь!

Лука развернулась и быстро вышла, не обращая внимания на протестующие вопли Артема. Услышав знакомые голоса, едва успела заскочить в подсобку с кучей грязного белья, как из-за поворота показались мрачный отец и заплаканная мать. В сердце что-то лопнуло со звоном, будто хрустальный колокольчик разбился. Не броситься к ним, не прижаться... Чужие люди! Метнулась прочь – не к лифтам, а по лестнице, выскочила из больничного крыла, как была, в трогательных голубых

бахилах. Нырнула в какие-то чугунные, гостеприимно распахнутые ворота и очутилась... на кладбище. И поразилась царящей здесь тишине и покою. Словно и не было там, за кирпичной кладкой стены, запруженной машинами улицы.

Бахилы отправились в первое попавшееся мусорное ведро. Лука медленно шла по аллеям, разглядывая могилы и поражаясь их разнообразию. Как в мире людей – эти гордецы, эти – скромняги, вот – для большой крепкой семьи, а эта – для одинокой барышни. Ангел с опущенными крыльями... Покосившийся крест... Забытая могила.

Здесь Лука и присела – на облезлую лавочку. Достала из рюкзака бутерброд и термос с кофе, отсалютовала стаканчиком-крышечкой неведомому покойнику.

– Твое здоровье, прах! Господи, как тошно! Тебе там тоже?

Ясное дело, могила молчала. Она была усыпана ковром из листьев так, что обломки камня едва угадывались под ними.

– С покойниками говоришь? Уважаю! – раздался звонкий голос.

На дорожке стояла высокая красивая деваха из тех, которых парни называют дерзкими – брови вразлет, голубые шальные глаза, густо обведенные черным, ресницы, потерявшиеся в туши вамп, губы – мечта извращенца. На ней были черные джинсы, ботинки до колена и кожаная мотоциклетная куртка. Длинные каштановые волосы собраны в высокий хвост. На руке висел шлем, странно смотрящийся рядом с изящным дамским рюкзачком.

– У тебя здесь кто? – Незнакомка кивнула на могилку. – Древние предки?

Лука невольно фыркнула. Подняла термос.

– Хочешь кофе? Я подвинусь.

– А давай!

Деваха села рядом, придержала второй, ненужный Луке стаканчик-крышечку, пока та наливала кофе. Чокнулась с ней, представилась:

– Меня Муней зовут. Так кто у тебя тут?

– Лука, – представилась та, гадая, как звучит настоящее имя Муни. – Никто. Просто так сажу.

– Просто так на кладбище даже вороны не сидят! – рассудительно заметила Муня. – Вообще-то я – Мария. Но боже упаси тебя называть меня Машей, Маней, Марусей или Манечкой! Вырву глаз!

– А я тебе зуб выбью, – развеселилась Лука. – Правда, я тоже не терплю, когда меня зовут Лукерьей или Лушей!

– Круто! – восхитилась Муня. – Я тоже хочу быть Лукерьей!

– Будь, – грустно улыбнулась Лука и отпила кофе, – а я не буду!

– Чего у тебя случилось-то, подруга? – с искренней заботой поинтересовалась новая знакомая. – Расскажи... Может, я помогу чем?

Лука приготовилась изобразить неприступность и гордость, но... открыла рот и рассказала все, кроме истинной причины аварии брата. Тайна собственного происхождения так и жгла сердце, а безобразную сцену, произошедшую ночью, буквально хотелось выbleвать и забыть навсегда.

Муня слушала внимательно. Лишь один раз отобразила у рассказчицы кофе, выплеснула себе остатки в крышечку. Когда Лука замолчала, она посмотрела на нее как-то странно, помолчала и сказала медленно:

– Давай еще раз, и поподробней. Вот с того момента, про огонь... Что-нибудь раньше с тобой подобное случилось? Ну типа чудес?

Луке в голову закралась мысль, что новая знакомая немного не в себе. Она тщательно оглядела ее с ног до головы. От девахи разило респектабельностью, которую та тщетно пыталась прикрыть уличным прикидом.

И веяло еще чем-то, чему девушка не могла пока дать название. Может, это и есть безумие?

— Понятно! Ты зависла! Требуется перезагрузка! — констатировала Муня. — Поехали!

И поднялась так стремительно, что Лука даже не успела понять, как термос оказался в рюкзаке, рюкзак — у нее на плечах, а она сама была схвачена за руку и потащена в сторону выхода.

Водила Муня классно. Легко перестраивалась, лавировала между машинами в таких узких пространствах, что у ни разу не катавшей на мотоцикле Луки горло перехватывало от ужаса и восторга. Она так цеплялась за Мунину талию, что та пару раз двинула ее локтем под ребро и прокричала:

— Ослабь! Придушишь, дурная!

Мотоцикл — гладкий, с плавными обводами, рычащий, как крупный хищник, — зарулил во двор сталинского дома, остановился в подворотне, перекрытой решеткой. Мигнула красным глазком камера под аркой, что-то пискнуло, и створки разошлись. Глубоко рокоча, зверь с пламенным мотором вместо сердца вполз во внутренний двор. Лука, открыв рот, оглядывалась. Будто в другой мир попала. Здесь были разбиты маленькие газоны, на которых красовались альпийские горки и пламенели японские клены и еще какие-то небольшие деревца с листьями багрово-красными, как траурный бархат. Из аккуратной будочки спешил к ним охранник, которому Муня, приветливо поздоровавшись, бросила ключи от мотоцикла. Нетерпеливо притоптывая ногой, дождалась, когда Лука слезет с сиденья, снова схватила ее за руку и потащила в один из подъездов. За мощную дубовую дверь с увитым чеканным плющом кольцом, вверх по мраморной лестнице с ажурными перилами, игнорируя лифт, который выглядел слишком новым для этого полного истории дома.

Открыв затейливым ключом дверь, Муня с порога крикнула:

— Ма-а-ам? Ты дома? У меня гости!

Из просторной прихожей, которую, наверное, надо было бы называть величественным словом «холл», уходил в глубь огромной квартиры широкий коридор, вымощенный шикарным паркетом. По обеим сторонам скрывались за занавесями из какой-то бархатистой ткани, расшитой золотыми нитями, двери в комнаты. В полумраке нити загадочно посверкивали. Одна из портьер колыхнулась, выпустив даму в шелковом, расшитом райскими птицами халате и шлепанцах с помпонами. Несмотря на «домашний» стиль одежды, выглядела дама так, словно собиралась на посольский прием.

— Привет, девочки! — улыбнулась она, подходя и оглядывая Луку с головы до ног.

На мгновение той стало стыдно — за джинсы в булавках, за футболку со слюнявым зомби, за черные короткие ногти и встрепанную прическу. Но затем она вскинула голову, как норовистая лошадь, и посмотрела даме прямо в невероятной красоты голубые глаза. Дочь, видимо, удалась в нее.

— Меня зовут Этьенна Вильевна, — едва уловимо усмехнулась та, — но друзья Мунечки называют просто Этьенной. А ты?..

— Лука, — опередила ее Муня, — мы познакомились на кладбище, и она...

Дама приподняла ухоженную тонкую бровь, и дочь замолчала.

— В холодильнике полно еды, — улыбнулась ей Этьенна, — мне кажется, Луке не помешает перекусить и выспаться. Девонька, комната для гостей в твоём полном распоряжении!

Лука так растерялась от увиденного, что просто кивнула, напрочь позабыв о слове «спасибо». После